

Журнал
сентябрь 1993
2-9 дек
(1948) - С. 6.

В

ДОМЕ-МУЗЕЕ К. С. Станиславского, бывшего вторым в моем маленьком кругосветном путешествии по театральным музеям Москвы, посетители так редки, что даже в дневное и рабочее время дверь держат закрытой, а посетителей

просят звонить. Но позвонив, вам уже никуда не деться, — вас буквально за руку введут в дом, проводят до самого гардероба, разденут и обуят в войлочные музейные тапочки и направят по лестнице на второй этаж.

Мир за окном, тот самый — безумный, безумный, безумный, живет, кажется, не подозревая о существовании у себя под боком таких вот не охваченных всеобщей суетой и всеобщим же безумством уголков, но и сами эти уголки, устроенные, неурюенные, недорюенные и перестраиваемые, обитают в некоем сфантазированном, и как будто остановившемся времени. Точно остановленные или сами собою остановившиеся часы в самом деле могут как-то повлиять на реальный ход времени.

Побывать в таком месте — точно поиграть с машиной времени, с самого начала задавшись целью отправиться в прошлое, а не в будущее. Можно говорить с восхищением о замечательных женщинах, старших и младших сотрудниках театральных музеев, смотрительницах, которые давно уже могут выступить экскурсоводами и с удовольствием водят по своим комнатам одиноких посетителей.

А скоро уходить не хочется. Хочется побыть подольше — и это самое естественное желание посетителя музея, даже если это не музей еще, а голая дражка щепкинского дома: осталась магия стен, их старинной кладки, как будто сохранившей до сих пор тот дым Отечества, что сладок и приятен. Просто по-

Здесь хорошо

сетителю это может быть и не удастся. Зато кому из нас не доводилось просиживать в Бахрушинском, пользуясь расположением и доброжелательностью его научных сотрудников, — листать папки со старыми эскизами костюмов, декораций, театральные программки, которые раньше каждый театр обязательно высылал сюда после каждой премьеры.

Здесь столько всего накоплено за десятилетия (в следующем году музей отмечает сто лет своего существования), что, когда бы не цены, не малочисленность наших специальных театральных изданий и невозможность часто выпускать бахрушинские сборники, сколько бы интересного узнали мы о собственном российском театре. Как обыкновенный зритель, наблюдающий за ходом сюжета, сидя в удобных театральных креслах, не думает и не знает, что происходит в это самое время за кулисами, так и посетителю музея неизвестно о кропотливой работе хранителей, о той работе, которая идет там, где «посторонним вход...» и где «комната для сотрудников».

Собственно говоря, именно эта работа — главная для театральных, как и всех других музеев. Именно эта работа отличает обыкновенные мемориальные комнаты и квартиры (вроде замечательной и гостеприимной квартиры Гольденвейзера, в которой, кажется, и до сих пор время от времени собираются люди, слушают отрывки из воспоминаний хозяина дома и музыку — сюда бесплатно приходили играть немало выдающихся музыкантов) от музеев — научных центров.

Не знаю, возможно, кому-то покажется моя мысль крамольной и дерзкой, но, на мой взгляд, именно музей Ермоловой и Щепкина хранят сегодня, в самом широком смысле, великие традиции Малого, а дом-музей Станиславского действительно имеет больше всего связей с Художественным театром и должен был бы выиграть спор между двумя нынешними МХАТами о том, кто из них наследник великих традиций, буде такой спор возник. Потому не кажется мне случайностью, что свой последний в жизни юбилей Елена Николаевна Гоголева отметила в доме, где жила Ермолова, ее Учитель, которому она была предана самоотверженно, до конца своих дней, нося на груди вырезанный когда-то из журнала портрет Марии Николаевны в оправе из темных гранатов (об этом недавно рассказал Б. Львов-Анохин). А вот на столетие восстановления на сцене «Дома Островского» «Орлеанской девы» и столетие со дня рождения Ермоловой, которое отмечали недавно в ее музее на Тверском бульваре, из Малого театра так никто и не пришел.

Когда я начинал рубрику в «ЭС», я был в некоторой расстерянности —

о чем можно писать целый месяц? И кто меня надоумил походить по театральным музеям, как это пришло в голову — уже неважно. Написать об этом можно было и пять, и десять колонок. Но главное, что, не выезжая из Москвы, я сумел оказаться в другом мире, который богаче, чем наша жизнь, интереснее ее, и лучше.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ.